

ЮЛИЯ ★
КУЗНЕЦОВА

ФОНАРЬК Лилька

КомпасГід
видавничий дім

Юлия Никитична Кузнецова

Фонарик Лилька

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51157469

Юлия Кузнецова. Фонарик Лилька: КомпасГид; Москва; 2020

ISBN 978-5-00083-636-1

Аннотация

Лильке одиннадцать, одноклассники не хотят с ней дружить, а дома родители контролируют каждый шаг. Вот бы скрыться от всего – хоть на пару часов!

Галя работает бариста, счастлива и уже давно влюблена в Серёжу. Но когда рушатся все её планы на будущее, промозглым мартовским утром она сталкивается именно с Лилькой и спасает её от беды – ещё не догадываясь, как много изменит эта случайная встреча.

Лилька в восторге от того, что теперь есть кому целый день строчить сообщения – ведь со старшей подругой можно поделиться всем на свете! Ну, почти всем... Галя вздыхает, что у Лильки лучше всего получается бегать от собственных проблем и создавать проблемы другим. И ни за что не признается, как бывает рада её эсэмэскам. Они освещают каждый день Гали, будто маленькие фонарики...

Юлия Кузнецова – автор полюбившихся читателям и критикам книг «Дом П», «Где папа?», «Выдуманый Жучок», трилогии

«Первая работа». Повесть «Фонарик Лилька» показывает несколько бесценных, определяющих недель из жизни двух подруг. Лёгкая, светлая, динамичная и порой забавная история о том, как наша судьба складывается из маленьких, на первый взгляд не слишком значимых решений – текст, помогающий увидеть то прекрасное, что скрыто в наших буднях. Как и всегда, в этой книге Юлии Кузнецовой читатели узнают не только себя, но и наш повседневный мир 2010-х годов – мир, в котором есть место и комедии, и романтике.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юлия Кузнецова

Фонарик Лилька

© Кузнецова Юлия, текст, 2014

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2020

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Глава 1

Настоящий боров

Я не так собиралась встретить этот день. Не прислоняясь к ледяной стене, обхватив себя руками, закрыв глаза, то проваливаясь в сон, то просыпаясь, чтобы проверить время на мобильном: пора?

– А ты чем по жизни занимаешься? – лениво спросила одна из розоволосых, которые часа три назад зажигали на танц-поле, а теперь мёрзли вместе со мной в томительном ожидании, держась за стенку и медленно моргая слипшимися ресницами.

Отвечать не хотелось. Но я ответила. Не то чтобы выпендривалась, но...

Мне это правда было нужно. Вроде лекарства от всех болезней. Точнее, от одной.

– О-о-о, – простонала девочка-фламинго, – как это круто! Я тоже хотела! Давно хотела! А что ты заканчивала?

Но я не ответила ей: мобильный показывал, что пора, и я ему поверила. Сбежала по ступенькам, перепачканным мартовской снежной кашей, в подземный переход, спугнула парочку голубей, что-то выклёвывавших из грязной лужи. Всполошённые, они разлетелись в разные стороны. Так и надо всем парочкам на свете!

– Не уходи! Пожалуйста! Не уходи! – кричала мне вслед девочка-фламинго. Я обернулась. Она ползла за мной, держась за стенку обеими руками и даже прижимаясь щекой, будто танцуя с ней танго. Слишком много коктейлей, слишком. Я покачала головой. Эти слова должен был пять часов назад произнести совсем другой человек.

В метро я заснула. Когда открыла глаза, двери вагона были распахнуты. Я узнала стены, чёрно-коричневые, ребристые, словно собранные в мелкую гармошку, и вскочила, но двери захлопнулись, словно только и ждали, когда я проснусь. Поезд тронулся дальше, а я ухватилась за поручень и опустила глаза. Все, кто не спал, смотрели на меня, а дядька с чемоданом, сидевший ближе всех к выходу, зачем-то оглядел меня с головы до ног, потом с ног до головы. Люди любят смотреть на неудачников. Им хотелось изучить меня: что с ней не так? Почему она проспала свою станцию?

Когда в конце концов я выбралась на улицу, было почти светло и ни капельки не тепло. Я шмыгнула носом, вынула шапку из кармана куртки, натянула. Решила сократить дорогу, пройдя через сквер.

Подумала о времени, но не подумала о дороге. Лёд в сквере никто счищать и не собирался, всех всё устраивало, и вместо того чтобы идти и дремать на ходу, мне пришлось двигаться черепашьям шагом, напряжённо пробуя ногой каждый кусочек дороги. Пару раз поскользнулась, пару раз ругнулась. А ведь могла быть совсем в другом месте!

Оглядев сквер в поисках тропинки, не похожей на каток, я заметила на скамейке парочку: на девушке было зелёное пальто.

«Липатова», – узнала я. Правда, совершенно непонятно, что Лариска могла делать в шесть утра в заледеневшем сквере. Её электричка только в семь приходит на Ярославский вокзал. Но раз уж она всё равно тусуется с каким-то парнем, я могу её отозвать в сторону всего на пару минут и излить душу. Мне нужно с кем-то поделить мою беду. Иначе я сойду с ума.

Приблизившись не без труда к скамейке, я обнаружила, что в зелёном пальто – никакая не Липатова, а девчонка лет десяти-двенадцати. Она сидела и смотрела перед собой. Рядом с ней сидел дядька и глядел на неё. «Папа и дочка», – решила я и уже собиралась ползти по скверу дальше, как вдруг остановилась и снова посмотрела на эту странную парочку.

У девочки были тонкие кривоватые ноги, похожие на разогнутые скрепки, и ботинки, здоровенные настолько, что в них поместились бы не только ноги девочки, но и немного кирпичной крошки, которую следовало бы подсыпать, чтобы хозяйку ботинок не сдуло ветром. Смешная шапка – как мордочка медвежонка. Глазки, ушки. Сидит, смотрит на дорогу. И глаза медведя тоже смотрят на дорогу.

А вот дядька... Дядька был в коричневой куртке, в бурых штанах и в валенках. Я зацепилась взглядом за валенки. У нас, в Пушкино, можно было встретить в магазине како-

го-нибудь старикана в валенках, но в Москве... Я не видела.

Валенки не вязались с шапкой-медвежонком. И тем, как он смотрел на неё. Его взгляд мне напомнил экспонат в «Музее занимательных наук», куда меня как-то водил Серёня. (Эх, Серёня...) Поток воздуха держит шарик. Шарик кувыркается, но на пол не падает. Взгляд дядьки держал девочку, как шарик, хотя она даже на него не смотрела.

Я посмотрела на ледяную дорогу. Потом снова – на них. Девочка комкала в руках какой-то пакет. Пакет шуршал, и его шуршание не давало мне уйти.

Мне не понравилась эта парочка. Настолько не понравилась, что я решила вмешаться.

Пошарила в кармане, нашла бумажку. Осторожно шагнула к ним. Когда я подошла, девочка по-воробыному вздёрнула голову и испуганно посмотрела на меня.

– Добрый день, – хрипло сказала я и протянула им бумажку, – в нашем кафе сегодня акция. Купите один кофе, второй – бесплатно. Вот флаер.

Я протянула флаер им обоим. Никто не сделал попытки взять. Дядька медленно отвёл глаза от девочки. А она дёрнулась и задышала часто-часто.

Дядька теперь уставился на меня. У него были толстые губы, толстые щёки, и веки тоже были какими-то толстыми. А глаза странные, пыльно-серые, как будто ничего не выражающие, но у меня внутри застучало-заколотилось. Казалось, что смотрит, смотрит, а потом – как укусит за куртку. А де-

вочка всё дышала-дышала-дышала и даже головой дёргала в такт дыханию. Я набрала воздуху, как перед прыжком в воду, и затараторила, обращаясь к девочке:

– Слушай! Ты такая красивая! А тебе никто не предлагал в рекламе сняться? Я работаю в одном агентстве. Нам как раз нужны девочки, чтобы зубную пасту рекламировать.

Я несла эту чушь, а про себя молила: «Ну скажи, мужик, скажи: „Отвалите, барышня, от моей дочери со своими идиотскими предложениями“». А лучше пусть она спросит: «Пап! Можно?» Она спросит, а я признаюсь с облегчением, что наврала, и пойду домой. Медленно, но спокойно.

Девочка молчала. И он тоже. Только смотрел на меня своими странными глазами.

– Давай? Пойдём со мной, – весело сказала я девочке, – заодно к твоим родителям зайдём, спросим разрешения?

Дядька вдруг оглянулся. Так, как воры в фильмах оглядываются, прежде чем в квартиру войти.

Я вздрогнула: а если нож достанет?

Сделала вдруг один ватный шаг, схватила девочку за плечо и подняла её.

Девочка застыла и зажмурилась, и я испугалась, что она сейчас грохнется в обморок, потом опустила глаза и увидела, что этот боров держит её за руку. За запястье. У неё часы были на запястье. Красный резиновый ремешок виднелся под его огромными пальцами. А другая рука борова была в кармане.

Кричать в пустом ледяном сквере было жутко. Но я решилась:

– Полиция!

И погромче:

– Помогите!

Толстые губы чуть раздвинулись в улыбке. По мне пронеслась волна мурашек: у него не было двух передних зубов, и улыбался он, словно щерился. Он вытащил вторую руку, пустую, и протянул ко мне, но тут мы оба повернули головы к метро. Оттуда вышла тётка, за ней – двое парней в синих спортивных куртках.

Он разжал пальцы. Я дёрнула девочку за плечо, увлекая за собой к выходу, к магазину, к аптеке, к людям, а она топала по ледяной дороге, и ноги у неё разъезжались, как у Бэмби, который только что родился.

Глава 2

Лиля

Так мы и ползли по скользкой дороге, как мухи по липкому стакану. Я впереди, она за мной. Я не оборачивалась, да и девчонка сосредоточилась только на своих ногах. Навстречу нам шли люди, и образ получеловека-полумедведя переставал пугать, растворялся в первых солнечных лучах. Я даже зевнула и на секунду забыла о своей спутнице, но потом снова вспомнила и спросила, когда мы добрались до светофора:

– Ну и чего?

Она вскинула на меня глаза. Серьёзные, светло-голубые, а ресницы тёмные, как покрашенные.

– Что – чего? – тихо спросила она, и я увидела у неё на зубах пластинку.

Из-за неё она слегка шепелявила.

– Чего ты со мной идёшь? – спросила я. – Ты правда думаешь, что мы идём рекламировать зубную пасту?

Она покачала головой.

– Нет... я поняла. Что вы... так сказали... чтобы он там остался...

– Хорошо, что поняла, – подбодрила я её, – значит, крыша у тебя на месте.

Я думала её насмешить, но она неожиданно нахмурилась

и отвернулась. Из-под шапки торчала светлая коса.

– А кто это был? – полюбопытствовала я.

– Не знаю... Он просто сказал: «Сядь сюда». Ну я испугалась и села с ним.

– Чего испугалась? – не поняла я.

– Ну, что он рассердится, если я не сяду.

– И что?

– Ну, кричать на меня начнёт. Ругать, – добавила она шёпотом, по-прежнему глядя в сторону.

– Ругать, – повторила я. – Всё-таки с крышей у тебя нелады. Протекает. Ладно. Всё хорошо, что хорошо кончается. Иди домой. Тебя, наверное, мама ждёт.

Тут она посмотрела на меня и помотала головой.

– Чего? – нахмурилась я, глянув на светофор. До зелёного оставалось двадцать секунд. Потом мне останется перейти дорогу и войти в подъезд моего дома.

– Я не могу туда.

– Почему? А, – догадалась я, – ты из дома сбежала?

Она кивнула.

– Ну ты даёшь! – восхищённо сказала я. – Я никогда дальше подъезда не уходила. Только скажу: «Всё, из дома ухожу!», мать сразу за мной бежит и извиняется.

Её лицо скривилось, будто я сказала какую-то гадость. Странная девочка, что и говорить.

– Короче, иди домой спокойно, – серьёзно сказала я, – они там наверняка уже с ума посходили и вполне готовы про-

стити тебе всё. Ты из-за чего сбежала? Из-за двойки? Или тебя бьют дома?

– Как – бьют? – испугалась она.

– С какой ты планеты? – фыркнула я.

– Нет, я знаю, как бить можно, – торопливо прибавила она. – Но кто, кто меня бить может, у меня только мама с папой. Никаких злых тёток, никого...

– А почему ты сбежала из дома?

Она молчала. Загорелся зелёный.

– Ну пока, что ли, – сказала я.

– Подождите!

Она вдруг вцепилась в мой рукав.

– Зелёный! – сердито сказала я.

– Я не могу, не могу домой. Дома на меня стены наезжают.

– Чего? – опешила я.

И подумала: «Может, у неё правда с головой непорядок?» Мне на глаза попался автомобиль скорой помощи. Машина стояла на светофоре, мигалка выключена. Помахать им, что ли?

– Вы только не думайте, что я сумасшедшая, пожалуйста, – торопливо прибавила она, шепелявя ещё сильнее. – У меня нормальная крыша.

– Да? Только стены ходят?

– Вы издеваетесь!

– А что мне ещё делать? – разозлилась я. – Я тебя спасла от какого-то уроды, а ты, вместо того чтобы поблагодарить меня

и бежать к мамуле, держишь меня, как собаку на привязи, возле светофора и несёшь пургу про ходячие стены?!

Загорелся красный, машины тронулись.

– Ну спасибо, – пробормотала я, провожая глазами какой-то грохочущий драндулет. – Надеюсь, тебе тоже на работу через несколько часов и ты тоже не выспишься.

Она не отвечала. Я повернулась к ней. Она размазывала слёзы по щекам.

– Ну ёлки, – в сердцах сказала я. – Ну почему просто нельзя сделать доброе дело и пойти домой? Сделал добро, и тебе сразу на хвост связки консервных банок привязывают. Беги, мол, греми на здоровье!

– На какой хвост? – фыркнула она, потянув носом.

– На собачий, – сухо ответила я. – Не реви на холоде, щёки обморозишь.

– Мама так же говорит...

– Мама, – передразнила я её, – а где она, кстати?

– Дома... Спит.

– Это ты думаешь, что спит. На самом деле – волнуется. Давай-ка вот что... Как тебя зовут?

– Лиля. А вас?

– Неважно.

– Вы не скажете? – удивилась Лиля.

– Я не люблю своё имя, – покачала я головой.

– Почему?

– Если бы твоё имя означало «курица», ты бы его тоже

не любила. Короче, давай я тебя до дома провожу, а ты про свои стены уже маме расскажешь. Это как бы её проблемы, понимаешь? У меня своих вагон.

– Я тебе верю, верю, – добавила я, увидев, что Лиля снова собирается разреветься, – просто эти задачки должны родители решать, а не я. Понимаешь? Где ты живёшь?

Она показала на дом через дорогу. На мой дом.

– А, так мы соседи, – сказала я, довольная, что не нужно идти провожать далеко.

Это было ошибкой.

– А можно... – прошептала Лиля.

– Нет, нельзя!

– Да нет, вы не поняли, я хотела спросить, а можно я на лестничной клетке возле вашей квартиры посижу? Если вдруг что, я постучу к вам... Мне ненадолго, мне нужно, пока... ну...

– Ты в своём уме? – всплеснула я руками. – Что ты такое говоришь?! Может, я – маньячка. Я тебе даже имени своего не сказала! Может, я тебя так хитро домой заманиваю. Может, зайдёшь ко мне, я на тебя наброшусь и... не знаю! Съем твоё сердце!

– Простите, – прошептала Лиля, подышала на ладони и потёрла их, согревая. – Я не хотела... Мне просто надо где-то посидеть.

Я закатила глаза.

– И ты думаешь, я бы позволила тебе сидеть возле своей

квартиры? Дружок, я хочу есть и спать, а лучше просто спать, мне на работу через шесть часов, на очень непростую работу, до вечера на ногах. А домой я тебя не приглашу. Потому что твои родители не знают, где ты. Возможно, ищут тебя. Возможно, уже в «Фейсбуке» разместили твоё фото в красной рамке. «Разыскивается девочка...» А ты хочешь пойти ко мне домой. Чтобы меня в похищении обвинили?

Лиля молчала. С силой наступала на снег ботинком и смотрела на следы.

– Хорошо, – сказала я. – Ко мне можно. Но сначала позвони матери и предупреди об этом.

– Правда?! – поразились она.

– Конечно. Звони!

Я ухватилась за эту мысль, уверенная, что ни одна мать в мире не разрешит ребёнку, который в шесть утра вышел из дома, «зайти к незнакомой тётеньке на пару минут». Надо будет обязательно уточнить, что эта гениальная мысль, «зайти на пару минут», не принадлежит «тётеньке».

– Только у меня мобильного нет... Я не взяла. Специально. Чтобы не определили, где я.

Я достала телефон из кармана. Красивый, новый. Подарок Серёни на Новый год (странно, что сегодня ночью я не разбила его в гневе о кафельную стену клубного туалета, когда заперлась в кабинке и рыдала, освещаемая неоновым светом). Глянула на экран. Разрядился.

– Так, всё, – решительно сказала я. – Ко мне не пойдём.

Мне хватает неприятностей. Сейчас я тебя провожу до подъезда, и ты пойдёшь к себе домой.

Она помолчала. Потом медленно кивнула.

– Только... только до лифта проводите, ладно?

– Уффф... Ладно!

– Спасибо. Я не люблю заходить одна в подъезд.

– Я тоже, – брякнула я.

– Что?

– Ничего! Идём, зелёный!

Я ступила на белую полосу перехода, а за мной волочился «хвост из консервных банок» и спрашивал:

– А вы мне так никогда и не скажете, как вас зовут? Или всё-таки скажете? А когда?

Глава 3

Моя берлога

В подъезде, который оказался у нас один на двоих, меня ждал сюрприз – желудок не свернулся в трубочку, в ушах не застучало, как бывало всегда, когда тяжёлая железная дверь бабахала за моей спиной и я замирала, прислушиваясь: есть ли кто возле лифта? Есть ли кто в лифте? Если есть, то пойду по лестнице, но вдруг кто-то есть на лестнице?

Я не врала Лиле – я и правда не люблю подъезды. Так что сейчас испытала даже что-то вроде благодарности. Лилька, конечно, была худенькая, как из верёвочек, и ждать от неё, что она выхватит из-за пояса фракийский кривой меч и зарубит воображаемого врага, не приходилось, всё равно: желудок не свернулся в трубочку, и в ушах не застучало.

«Однако это не повод позволять ей садиться на шею», – напомнила я себе.

Шагнув в лифт, она быстро стащила варезку и протянула руку к кнопке лифта, наверное, стараясь опередить меня.

– У меня – последний, – предупредила её я.

– У меня тоже последний, – сказала она и всё-таки опередила меня, нажав.

Я пожала плечами: к себе я возвращалась только поспать и поесть, поэтому соседей не разглядывала.

Лиля тем временем гладила тонкими покрасневшими пальцами кнопки лифта – нам недавно поменяли, поставили на место старых – с точечками, шрифтом Брайля.

Мы вышли из лифта, я нащупала в кармане ключ. Лиля тем временем двинулась наверх.

– Эй, – сказала я, – ты далеко собралась? Там чердак, по-моему.

– Ага, – откликнулась она, не оборачиваясь.

– И решётка, – предупредила её я.

– Я знаю, спасибо, – мягко сказала она, добравшись до зелёной решётки, покрытой пылью и обрывками каких-то бумажек, – просто, если вот тут нажать, она открывается...

– А там что? – спросила я.

– Там небольшая комната. Ну, такая, как кладовка.

– Грязная?

– Грязная, – согласилась она, – там ещё эти штуки валяются иногда... как их...

– Я поняла, – перебила её я. – Зачем тебе туда?

– Там можно отсидеться, – вздохнула она, – мне надо недолго, всего полчаса.

– Ф-фу ты, – в сердцах сказала я, – ладно! Всё! Спускайся ко мне.

Она развернулась и сбежала ко мне. Всё лицо, даже ямочки на щеках, сияло.

– Правда? Правда? Я ненадолго. Спасибо вам большое!

– Зайди к матери, скажи, что ты тут.

– Я потом... Я позвоню ей... Как вы телефон зарядите.
Я молча отперла дверь.

У меня уже склеивались глаза, и мучительная мысль, что всё теперь кончилось и надо привыкать к тому, что Серёня в субботу не поедет со мной к маме в Пушкино, не давала мне покоя, поэтому Лиля вызывала раздражение.

– Быстрее шмыгай, – предупредила я, распахивая двери квартиры, которую никогда не называю своей, – и потише в коридоре, баба Клава спит.

Квартирную хозяйку звали как-то по-другому, но в глаза я её называла просто «вы», а за глаза – бабой Клавой, потому что это имя подходило к её цветастому халату, перевязанному тонким поясом, и чёрным войлочным ботинкам-прощайкам, в которых она ходила за молоком в «Копейку».

Молока покупала много – делала из него домашний творог и продавала у входа в ту же «Копейку». Подвирала, конечно, что «молоко от коровушки», но я её не осуждала, находя ситуацию смешной: люди выходят из «Копейки» и покупают творог, по сути, тоже из «Копейки», а ни от какой не от «коровушки», только на улице. «Сами дураки, – думала я, – ведутся на враньё».

Сама я прибегала к вранью только в самых крайних случаях, таких, как сегодняшний. Предпочитаю правду. Правда, сегодня за правду огребла. «Лучше бы ничего и не спрашивала у Серёни», – мрачно подумала я, разматывая на шее шарф, укладывая его на тумбочку в прихожей, а сверху –

ключи. На мягкое – чтобы не звенели. Не хватало ещё разбудить бабу Клаву.

– Правая дверь! – еле успела сказать я Лиле, которая чуть не познакомилась с храпящей бабой Клавой.

– Вау!

– Да потише ты!

– Вау, – прибавила она шёпотом, – какая комната красивая!

Я пихнула её в спину, чтобы не стояла на проходе, и прикрыла дверь. Лиля потянула носом. «Чувствует запах кофе», – поняла я, но она ничего не стала спрашивать, а я не стала объяснять. На кой мне её новый восторг? Я и так-то не знаю, как от неё избавиться.

– Как у вас красиво, просто невероятно, – повторила Лилля, вертя головой во все стороны.

– Угу, Версаль, – буркнула я, швыряя сумку на кровать. Глянула на комп – проверить бы сейчас, нет ли сообщений от Серёни, но не при ней же.

– Ты давай не лъсти мне тут. Сейчас зарядку найду, позвонишь домой. И скажешь, что вернёшься через пятнадцать минут. Мне спать надо.

– Я не лъщу, честно-честно! – воскликнула она, снимая шапку-медвежонка.

– Слушай, ну что в моей комнате красивого, – устало сказала я, усаживаясь на стул, – кровать скрипучая? Серо-голубое покрывало бабы Клавы, в котором её кот дырку продрал?

Окно заляпанное?

– Вот это! – Лиля показала на стены.

Запала, значит. Ну, она не единственная. Правда, «красиво» я ни разу не слышала. «Прикольно», «ржачно», «зачётно», «круть», – так говорят про мои стены, залепленные мемами из «Вконтакте» и с сайта «1001 мем».

Некоторые распечатывала, некоторые перерисовывала. Все приклеивала скотчем. Тут были мемы на любой вкус. Больше всего я любила сморщенную от радости или горя рожицу и смешную подпись. Что-то вроде: «Как ни крути, но лучший шкаф для одежды – это стул». Или «До уборки всё валялось на своих местах, а после уборки всё стало аккуратно лежать непонятно где». Была у меня и девица, заламывающая руки под надписью: «Люди, ну сколько можно повторять, мне ещё рано замуж!» Был и хмурый котик с синяками под глазами и табличкой в лапках: «Недоброе утро». Была просто фотография наушников с подписью: «Петь в наушниках восхитительно, не слышишь своего голоса и думаешь, что у тебя есть талант».

– А вот тут ошибка! – сказала она вдруг, указывая на одну из картинок, мою любимую. – Запятой не хватает! Видите? Перед «так».

На картинке было вот что: «Ты спросишь, что я люблю больше – тебя или борщ? Я отвечу, что борщ. И ты уйдёшь так и не узнав... Что со сметанкой!»

Я рывком поднялась с кровати. Протянула руку и сдёрну-

ла картинку. Смяла, швырнула в сетчатую урну под столом.

– Ну зачем вы так, – расстроилась Лиля, – жалко...

– Дело не в тебе, – сказала я, снова усаживаясь.

Я оглядела свою берлогу. Ещё вчера я смеялась над этими мемами. Над борщом вообще хохотала, перепостила его, разослала эсэмэской всем, кому могла. Ещё вчера мне казалось, что я отлично придумала: заклеить сиротские обои смешными картинками, показать, что мне плевать на обстановку, что мне смешно живётся, что у меня есть всё: классная работа, классный парень.

Но сегодня я смотрела на свою стену и думала: ну и чушь... Мемы казались мне жалкой попыткой прикрыть действительность. И теперь действительность пёрла, прорывая яркие картинки, щёлкала меня по носу скомканными листками и показывала: если кто и смешной, то это ты – дурацкая девочка с дурацким именем.

Я закрыла лицо руками.

– Ну вот зачем вы так! – воскликнула Лиля. – Вот так нельзя! Обижаться! Я, например, никогда не обижаюсь на маму, даже если... В общем, это же пустяк. Тут всего лишь надо было подрисовать запятую. Маркером. У вас есть маркер?

Я отняла руки от лица, подпёрла кулаками подбородок. Она тем временем присела на корточки, нагнулась, поправила съехавшую косу, вытащила мой листок. Потом распрямилась и осмотрела стол. И тут же воскликнула:

– Ой! Какое чудо! Это вы сами придумали? Правда? Ой, ну какая замечательная идея!

Не успела я сказать, что так и есть, я придумала сама купить в спортивном два десятка пластиковых теннисных шариков и на каждом нарисовать рожицу: с весёлой улыбкой, с грустными глазками, с раскрытым от хохота ртом, с красными от смущения щеками, – как она снова воскликнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.